

Георгий Бала

МАЛЫШКА

Детизм · 1960

Др 82

Б-10

~~Б-20~~

Георгий Бала

МАЛЫШКА

Рисунки Н. Устинова

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1960

КАК ОНИ ПОЗНАКОМИЛИСЬ

На подстилке, поджав ноги, лежал телёнок. Головка лопухонькая, сам весь рыжий, с белым пятнышком на боку. Был он ещё совсем маленький. Ничего-то не понимал, ничего не знал. Он даже не знал, что его зовут Малышкой.

Раз на ферму пришла дочка телятницы тёти Клани — Дуняша.

Увидела она рыжего телёнка, обрадовалась:

— Ой, мамочка, гляди, какой телок-то махонький!

— Ну да, у него и прозвище такое — Малышка.

— Вставай, Малышечка, — попросила Дуняша.

Телёнок будто понял — поднялся на ножки. Смотрит по сторонам чёрными влажными глазами, удивляется: „А ведь я стою! Сам стою!“

Дуняша погладила Малышку по крутому лбу. А он как боднёт её!

— Ишь, прыткий какой! — засмеялась Дуняша.

Она потрогала ладошкой ноздри телёнка. Ладошке стало тепло: Это телёнок дыхнул. И вдруг захватил губами Дуняшин палец.

— Mam, слышь, он сосёт! Он мой палец совсем засосал.

— Сейчас мы ему что-нибудь послаще дадим, — сказала мама.

Она поставила перед телёнком бадейку с тёплым молоком.

Телёнок фыркнул и принялся пить молоко.

А Дуняша рядом на корточки пристроилась и глядит. Малышка торопится, фыркает, чихает. Бойтся, что молоко заберут.

— Ох, глупый! Ох, смешной! — приговаривает Дуняша.

Выпил телёнок всю бадейку, лёг на подстилку. На боку у него белое пятнышко дрожит. Устал, видно, наработался.

Поглядела Дуняша на белое пятнышко, на Малышкину ушастую морду, и ей показалось, что она давным-давно его знает.

Наклонилась к самому уху телёнка и шепнула:

— Давай с тобой, Малышка, дружить. Я за тобой ухаживать буду, ладно?

Малышка покосился на Дуняшу и мотнул головой, будто хотел сказать: „Ладно, ухаживай, а там поглядим, может, и подружимся“.

На другой день Дуняша опять упросила маму взять её на ферму. День выдался морозный, звонкий — каждый шагок слышно. От мороза деревья постреливают.

Закутали Дуняшу поверх шубки в большой пушистый платок, сзади крест-накрест завязали.

Платок налез Дуняше на лоб и глаза, спрятал от мороза щёки и подбородок — один только нос торчит наружу. Шагает Дуняша, точно кулёк на ножках.

— Эх, сидела бы ты, дочка, дома, — вздыхает мама. — Попила бы с бабушкой чаю, книжки с картинками поглядела.

— Нет, — отвечает Дуняша и закрывает варежкой нос. — Я помогать тебе буду за Малышкой ухаживать.

— Мне помогать? Что ты, доченька, это дело трудное, сноровки требует. Тебе не суметь.

Дуняша забежала вперёд, ухватила мать за пальто:

— Сумею, мамочка, сумею. Я стану всё, как ты, делать...

— Ладно, дочка, раз-другой сходишь, потом самой надоест.

За разговором не заметили, как подошли к ферме. Мама взяла из тамбура вилы и пошла в загон.

Посередине загона стояли покрытые снегом стога. У большого стога снег в одном месте был сброшен и выглядывало прочно свитое сено. Казалось, что под снегом схоронилось от мороза лето.

Тётя Клэня посадила на вилы чуть ли не целую копейку сена и, подняв над головой, понесла в тамбур.

— Отнеси-ка его, дочка, в кормушки старшеньким телятам, — сказала она, сбрасывая сено в угол.

— Нет, я к Малышке сперва сбегаяю.

Мама усмехнулась:

— Ну беги, беги, помощница!

Дуняша побежала к Малышке. Обняла его за шею, шепчет:

— Миленький Малышечка, как ты тут без меня? Хорошо ли тебе?

Телёнок замотал головой: „Чего, мол, пристаёшь. Ты лучше меня молоком напои“.

Дуняшина мама уже хлопотала подле большого молочного бидона, расставила вокруг него десять пустых бадеек.

„Точно грибки под берёзкой“, — подумала Дуняша. Она отпустила Малышкину шею и выбежала из клетки, даже дверку не закрыла.

Когда все бадейки наполнились молоком, Дуняша крикнула:

— Мамочка, дай я теперь сама! Сама напою!

Она подхватила две бадейки и побежала к Малышкиной клетке.

Вдруг нога у неё поскользнулась и... хлоп! Упала Дуняша. Одна бадейка в сторону отлетела. А на полу — молочная лужа.

— Эх, какая ж ты неспособная! — рассердилась мама. — Куда уж тебе за телёнком ухаживать? Иди-ка лучше домой.

Заплакала Дуняша:

— Мамочка, прости, больше не буду.

— Я-то прощу. А что председатель Пётр Фокич скажет? Ведь козхозное молоко зря по полу разливаем.

— А ты Петру Фокичу не рассказывай; вот он и не узнает!

Мама улыбнулась:

— Ох и помощница! Хорошо хоть другую бадейку не пролила.

Она подошла к дочери. Подняла её с пола и принялась отряхивать ей шубку.

Тем временем Малышка тихонечко вышел из клетки. Он подобрался к стоящей неподалёку бадейке, расставил пошире ноги, наклонил голову и принялся пить. Видно, решил так: „Пока дочь с матерью думают, как меня лучше накормить, я сам побольше выпью“.

Оглянулись тётя Кланы и Дуняша и руками всплеснули: ведёрко-то уже пустое громыхает. Только на дне молочко осталось.

Телята спали. Большая лампа, ночная стражница, неярко горела под потолком.

Сторож дедушка Николай сидел на широкой лавке, в самом конце телятника, за перегородкой. Здесь была устроена кухня. Посередине кухни поднималась печь с большим котлом. В нём грели воду для телят. Но время было ещё раннее, и дедушка печь не растапливал.

Напротив, на белёной стене, тик-такали часы-ходики. Их дедушка принёс из дому, чтобы время знать. С ними он и поговорить любил. Глядит на них, и чудится ему, будто часы выговаривают:

„Тик-так, тик-так! Спи, дедушка, засыпай! И телята спят, и ребята спят. И ты, дедушка, спи!“

— Что вы, что вы, усачи, нельзя мне спать. Я ведь сторож ночной.

А часы опять своё твердят. Уж так они устроены — любят людей спать укладывать.

И стало дедушке придрёмываться.

Вдруг что-то с силой как хлопнет! У дедушки сразу дремота пропала. Слышит, телята замычали. Что такое? Открыл он дверь из кухни, заглянул в телятник. Никого.

Может, померещилось? И тут он заметил, что у одной клетки дверка не прикрыта.

„Э! Не ладно!“ — подумал дедушка Николай. А сам осторожно ступает в своих валенках с калошами, точно в лесу по заячьему следу.

Подкрался поближе. Заглянул через дощатый заборчик в клетку. Видит — рыжий телок на подстилке лежит, а рядом, обняв его за шею, прилепилась на корточках Дуняша.

— Ты откуда взялась? — крикнул сторож.

Дуняша даже вздрогнула:

— Я, дедушка Николай, пораньше нынче собралась.

— Пораньше? Да ещё ночь темна. Иди-ка ты, дочка, досыпай.

В телятнике посторонним нельзя быть. Не положено.

— Я же не посторонняя.

— Кто ты такая, знать не знаю.

— Как?! Дедушка Николай, да ведь я дочка Клавдии Ивановны. Ты же меня сто раз видел.

— Днём верно встречал девчурку белянкую, вроде Дуняшей звать. А под утро спать ей полагается. Отправляйся-ка, дочка, домой.

Дуняша поднялась. Пошла было из клетки, да остановилась.

— Дедушка Николай, не гони, — тихо попросила она. — Мне при-
снилось, что Малышка заболел, я и прибежала.

Рыжий телок вскочил на ноги. Глядит удивлённо на девочку, понять ничего не может: сначала разбудила, а только устроился получше, пригрелся, она уж уходить собралась. Вытянул Малышка морду и недовольно замычал: „Мо-оу!“

— О-о, затянули в два голоса, — улыбнулся дедушка Николай. Махнул рукой: пускай, мол, будет по-вашему, и пошёл опять к кухне.

— Дедушка, я с тобой! — закричала Дуняша.

— Мне делом заниматься надо. Печку пойду растоплю. Придёт
твоя мама, а поить телят нечем.

— Я тебе помогать буду.

— Ладно, коли так, — согласился дедушка.

Дрова у входа лежали заготовленные ещё с вечера. Дуняша взялась перетащить их к печке. Стараются захватить поленья, какие побольше да потяжелее, на щепу не глядит.

Дедушка Николай смеётся:

— Как же мы без щепы печь растопим? Ты поторапливайся, да с умом работай.

Принесла Дуняша щепок и берёсты. Дедушка Николай зажёл несколько колечек берёсты и положил под дрова. Берёста сгорела, а дрова не горят.

— Фу ты! — рассердился дедушка Николай. Встал на колени, подул в печь: — Фу-у-у! Фу-у!

Щепки затлели, а дрова опять не горят. Мокрые, что ли?

Дедушка ещё раз зажѣг берѣсту. Теперь и Дуняша рядом на коленки встала. Начали они дуть вдвоѣм.

Дедушка совсем рассердился, как крикнет:

— Фу-ты ну-ты, гори скорей!

Дрова и правда загорелись.

Тепло стало в кухне. Дедушка и Дуняша сели на лавку.

Дедушка расстегнул тулуп, Дуняша сняла платок. Хорошо им — от печки жаром так и пышет.

Только Дуняше не сидится на месте. Говорит:

— Дедушка, а что я придумала?

— Что, дочка?

— Давай уберѣмся в телятнике. Мама придѣт, вот удивится!

— Что ж, можно, — согласился дедушка Николай.

Он принѣс из чуланчика две большущие лопаты. Одну для себя, другую для Дуняши.

„Ух ты, тяжеленная какая! Не справится мне“, — подумала Дуняша. Но сказать ничего не сказала.

Дедушка показал Дуняше, как правильно отгребать мусор с

настила. Потом взял свою лопату и ушёл в другой конец телятника. Теперь они двигались навстречу друг другу.

— Дедушка, как у тебя? — спрашивала Дуняша.

— Дело идёт, — откликнулся он. — Только стар я очень, быстро не могу.

— А у меня ловко получается, — хвасталась Дуняша. — Держись, дедушка, сейчас я тебя обгоню.

— Да это конечно: куда мне за тобой угнаться.

Дуняша смеётся: уж она расскажет маме, как дедушку Николая обогнала.

Её смех разбудил телят. Они вытягивали шеи, мычали на разные голоса:

„Му-у-у! Мо-о-о!“

Дуняша и дедушка торопились. Скоро ведь и мама придёт.

— Дедушка, ты только маме не говори, что я здесь, — попросила Дуняша.

— Ладно, не скажу.

— Я спрячусь, а как мама придёт, сразу и выскочу.

Дедушка посмотрел на Дуняшу:

— Ну и придумщица ты, дочка. Иди-ка пока в кухню, поспи немного.

Дедушка отвёл Дуняшу в кухню, уложил её на лавку и прикрыл своим тулупом.

— Нет, я не буду спать, — покачала головой Дуняша, — я маму дождусь.

Но тут она вдруг почувствовала, как устала, точно целый день воду из колодца носила. Тёплая овчина ласково щекокнула Дуняшин подбородок: спи, мол, девочка.

„Не буду“, — упрямо подумала Дуняша. Она ещё заметила, как на белёной стене чуть шевельнули усами ходики и, точно живые, зачистили:

„Тик-так! Тик-так! И телята спят, и ребята спят! И ты, Дуняша, скорей засыпай!“

— Не...

Она хотела рассказать часам, что телята уже проснулись, что она тоже маму дожидается. Но так ничего и не сказала. Она крепко-крепко спала.

Теперь Дуняша часто приходила в телятник. Погуляет на улице, покатается на санках да так с санками и идёт к маме на работу. Оставит их в тамбуре, рядом с вилами, а сама бежит в кухню.

Там, в кухне, напротив часовыходиков, были вбиты в стену два гвоздя — один повыше, другой пониже. На том, что повыше, висел мамин синий халат, а на другой Дуняша вешала своё пальтишко.

Придёт, бывало, в телятник, разденется и сразу за дело: то поможет сено телятам раздать, то молоко по бадейкам разольёт, а то возьмёт в ладошку большую чёрную щётку и примется чистить Малышку. Водит щёткой по Малышкиной шее, по гладкой спине и налитым бокам. Телёнок удивляется: вот только-только была ладошка маленькая и мягкая, а тут вдруг выросла, стала шершавой. Чудно. Малышка чуть подёргивал кожей, словно ему было щекотно.

Но вот Дуняша откладывает щётку и принимается гладить телёнка по голове, трогать его влажные ноздри.

Малышка недовольно крутит мордой: чего, мол, ласкаешься? Не маленький.

Верно, он не привык ещё к девочке, не подружился с ней.

Дуняше, конечно, обидно: она за Малышкой ухаживает, чистит его, поит и кормит, а он не хочет дружить.

Вечерами Дуняша жаловалась маме на Малышку:

— Он думает, я не настоящая телятница, а просто девочка.

Однажды пришла Дуняша в телятник, только собралась пальтишко скинуть, видит — рядом с маминым халатом, на нижнем гвоздике, висит маленький синий халатик.

— Ой, мама, это чей же такой? — удивилась Дуняша.

— А ты попробуй примерь.

Надела Дуняша синий халатик, а он ей впору. Вот чудеса-то!

— А можно, я его...

— Конечно, дочка. Носи. Это твой.

Дуняша посмотрела на маму и захлопала в ладоши:

— Вот здорово-то! Теперь я как настоящая телятница, правда, мама?

Тётя Клэня обняла Дуняшу:

— Правда, дочка, правда. Ты у меня теперь помощница. Без тебя я бы не справилась.

Когда мама вышла из телятника, Дуняша взяла со стола карандаш и забралась на лавку, что стояла возле стены.

Она лизнула кончик карандаша, оглянулась — не смотрит ли кто? — и старательно нацарапала карандашом над тем гвоздиком, что повыше. «Мама». А потом над тем, что пониже. «Дуня».

Спрыгнула с лавки, полюбовалась: хорошо получилось. Теперь всякому видно: вот тут мамин халат, а тут Дунин — никак не перепутаешь.

Вышла Дуняша к телятам. Кажется ей, что все они на неё смотрят. Наверное, удивляются: откуда у девочки такой халатик?

А Дуняша ходит, будто ничего не произошло, будто так и надо.

Прибрались они с мамой. Дуняша пол подмела. А потом,

когда мама пошла готовить телятам еду, забежала к Малышке в клетку. И зашептала ему в ухо:

— Малышечка, нравится тебе мой халатик? Это мне мама сделала, а я и не знала.

Малышка тряхнул головой, будто понял её. А сам морду вытянул, хочет лизнуть Дуняшу в лицо.

Девочка отстранилась:

— Не надо! Ты мне халат замараешь.

Но только Дуняша отвернулась, как Малышка ухватил край её халата и начал жевать.

— Отдай, что ты делаешь?!

А Малышка не пускает.

Дуняша потянула, вырвала халатик. Край у него был изжён и разорван.

— Эх, ты... Эх!

Дуняша громко заплакала. Подошла к ней мама, стала её утешать:

— Ничего, доченька, на работе всякое случается. Халатик-то у тебя для работы.

— Я к Малышке по-доброму, а он что?

— Да ведь глупый твой Малышка, одно слово — телёночек. Ты погляди, он и сам не рад.

Дуняша сквозь слёзы глянула на Малышку.

Вид у него и вправду был виноватый. Уши растопырены, голова опущена. Будто прощения просит.

Дуняша покачала головой:

— Нет, Малышка, сейчас не прощу. Потом когда-нибудь. — И ушла вместе с мамой.

А Малышка опять остался один в своей клетке. Он был огорчён и удивлён: почему девочка заплакала, почему ушла? Ведь халатик-то был совсем невкусный.

В телятнике была ещё одна очень важная вещь: голубая тетрадка. Она лежала на столе в кухне. Как все здесь вещи, она пахла сеном и молоком.

В этой тетрадке у тётки Клани всё было записано про каждого телёнка: как зовут, хорошо ли ест, быстро ли растёт.

— Мама, можно я тоже буду в тетрадку записывать, — попросила Дуняша. — Я ведь и буквы все до одной знаю.

— Ладно, дочка, записывай, пусть это будет и твой дневник.

Мама раскрыла тетрадь посередине и написала: „Дуняшин дневник“.

— А что такое „дневник“? — спросила Дуняша.

— Это значит — всё, что за день важного произойдёт, то и запишешь. Понятно?

— Конечно. А то я могу потом забыть и напутать.

Дуняша тотчас же забралась на лавку. Вынула из кармана своего халатика карандаш и, подумав, написала: „Вчера у Малышки нос был мокрый. Сегодня тоже“.

На следующий день в Дуняшином дневнике появилась такая запись: „А Малышка хотел сломать доску у клетки“. И больше — ничего. Вся тетрадка была измята, некоторые страницы совсем вырваны, а на других налипли жёлтые сухие крошки от корма.

В тот день вот что произошло.

Лежал Малышка на подстилке. Глядел в окошки. Окошки в телятнике почти наполовину закрыло пушистыми горками снега. На ветках тополя, что рос рядом, тоже был снег.

Малышка долго глядел на эти белые горки, удивлялся. „Вот так молоко! Не течёт, а сыплется, точно опилки какие-нибудь. Оно, наверное, сладкое да тёплое“, — подумал телёнок и облизнул губы. Ему захотелось выйти на волю, погулять. Но где там — клетка мешает.

Малышка боднул головой дверку. Может, забыли закрыть? Нет. Телёнок повернулся, подпрыгнул и ударил задними ногами по нижней доске клетки. Доска зазвенела: дзек-тра-ра-ра-ра...

Малышке это понравилось: доска-то петь умеет!

Он опять подпрыгнул и ещё сильнее ударил. Дзек-тра-ра-ра-бум!

На шум прибежала Дуняша.

— Ах ты, озорник! — Она открыла клетку и сгоряча — раз, раз! — ударила телёнка по рыжему боку: — Не балуй, не балуй!

Малышка повернул голову, глянул с укоризной: „Вот ты какая! А я-то думал — хорошая“.

Обиделся и лёг на подстилку.

А Дуняша сама не понимает, как у неё это получилось. Вышла из клетки, на глазах слёзы.

Мама спрашивает:

— Ты чего, дочка?

Дуняша головой качает:

— Так, ничего.

Принялась было маме в уборке помогать, да только всё у неё из рук валится. Ходит мимо Малышкиной клетки, будто за делом. А сама смотрит, как там телёнок. Может, опять повеселел.

Когда уборку закончили, Дуняша сказала маме:

— Пойдём Малышку навестим.

— А чего его навещать? — удивилась мама. — Разве он заболел?

Дуняша не отвечает, тянет маму за рукав.

Вошли они в клетку. Малышка на том же месте на подстилке лежит. Голову вытянул, на боку белое пятнышко вздрагивает. Глянула на телёнка Дуняша да как бросится к нему:

— Малышечка! Телочек!

Телёнок ткнулся мордой в её руку и начал лизать. Язык у него шершавый, точно маленькими камешками посыпанный.

— Ах ты, бедненький, — приговаривает Дуняша, — обидела я тебя!

Малышка головой кивает, будто соглашается. Потом опустил ниже морду, вытащил у девочки из кармана тетрадку — Дуняшин дневник — и начал потихоньку жевать.

Увидела Дуняша — растерялась: опять рассердиться или простить? А телёнок поднял морду и глядит виновато. Ну что ты будешь делать с таким озорником!

— Ой, мама, — сказала Дуняша, — это же не телёнок, а крокодил какой-то!

НА НОВОМ МЕСТЕ

Малышку перевели в новое помещение: из маленькой клетки в большую. Тётя Кланы называла её хлевушкóм.

Хлевушок очень понравился Малышке. В маленькой клетке и повернуться негде, а здесь и вертись, и прыгай сколько хочешь. Вот хорошо-то как!

А главное — в хлевушке Малышка был не один: тут же, вместе с ним, жили две тёлочки: беленькая Зорька и пятнистая с чёрной спинкой и белой грудкой Звёздочка.

Телята сразу же затеяли игру.

Малышка наклонил голову и двинулся на тёлочек. Ух, какой грозный бычок! Сейчас всех забодает!

Тёлки бросились в стороны, будто испугались бычка.

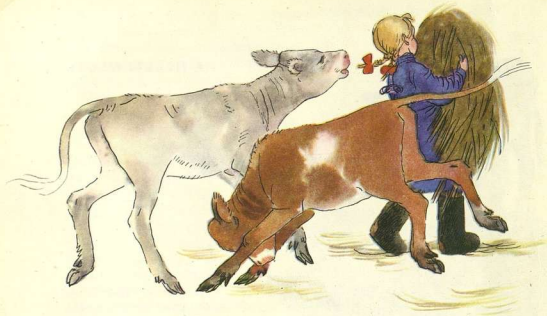
Малышка и сам себе казался страшным зверем с огромными острыми рогами. Он раздувал ноздри, фыркал:

„Берегись! Забодая, забодая!“

И вдруг, быстро повернувшись, ткнул Зорьку в бок.

Тёлочка насмешливо замычала: „Ох! Ох! Он меня ушами уколол!“

Вот уж неправда! у Малышки уши хоть и большие, да мягкие-

А вот рога ещё не выросли. Только бугорки на макушке. Да ведь он сам ещё маленький.

Телок обиделся, отошёл от Зорьки и лёг на подстилку. Ах, как приятно растянуться на ней!

Малышка закрыл глаза. Можно было подумать, что он заснул. А он-то, хитрец, притворялся. Ждал. Чуть за дверью раздались шаги, уши у Малышки беспокойно зашевелились.

Дверь со скрипом отворилась. Ну конечно же, он не зря ждал! Это тётя Кланы и Дуняша пришли.

— Здравствуйте, ребятки-телятки! — крикнула Дуняша.

Быстро вскочив на тонкие ноги, Малышка первым потянулся к ней.

Дуняша подбежала к телёнку, погладила по шелковистой морде. Потом принялась за уборку. Пока Дуняша меняла подстилку, Малышка тихонечко подобрался к ней сзади и — цап за косичку! Ну точно мальчишка какой.

Дуняша рассердилась, пальцем грозит:

— Ах ты, баловник!

А Малышка доволен: „Что, ловко?“

Зорьке, глядя на него, тоже захотелось поиграть с Дуняшей. И, когда девочка повернулась к ней спиной, тёлочка, вытянув губы, схватила Дуняшину косичку.

Малышку словно пружиной подбросило. Подскочил он к Зорьке и тук головой в бок: „Не тронь! Мой хвостик!“

Зорька выпустила косичку и сердито замычала: „Нужен мне больно твой хвостик! Это же смешно — у девочки хвостик... на голове!“

Малышка совсем рассердился. У него зашевелились уши, глаза стали блестящими. Он топнул ногой: „Пусть смешно! Но она всё равно хорошая. Очень хорошая“.

Всё чаще и чаще в окна телятника заглядывало солнце.

Тётя Клэня убрала вторые двери в тамбуре. И теперь тёплый ветерок пробирался на ферму. Он весело прокатывался по доскам настила, заворачивал к телятам в клетки. И тут, запутавшись в соломе, шуршал, точно мышка.

Как-то раз телята услышали: открылась и захлопнулась дощатая дверь, привычно прошуршал ветерок в соломе, и сразу же раздался грубый голос:

— Ну, кто здесь больной?

Тоненький знакомый голосок ответил:

— Вот тот, с белым пятном на боку.

Малышка открыл один глаз и увидел Дуняшу, а рядом с ней высокого человека в белом халате, без шапки, с торчащими в стороны рыжими усами.

— А что у него болит? Кхе-кхе!

Человек закашлялся.

— Всё болит, — зачастила Дуняша, — и ножки и головка. В обед молоко плохо пил. Вон он пригорюнился.

Малышка взглянул печально на Дуняшу и закивал головой.

— Кхе-кхе! Сейчас мы поглядим, какие такие болезни у него завелись, — громыхнуло над головой телёнка.

Малышка зажмурился и глянул сквозь ресницы.

Над ним топорщились рыжие усы. Они зашевелились, будто живые. Это было очень страшно. Телёнок закрыл глаза.

Большие, сильные руки начали мять ему бока и живот.

Долго человек в белом халате ощупывал да осматривал телёнка и, наконец, спросил:

— Скажи-ка, Дуняша, а утром он пил?

— Утром-то пил, даже у Зорьки полбадейки отнял — вон у той беленькой тёлочки. — Дуняша указала пальцем в угол клетки, где стояли Зорька и Звёздочка.

Прижавшись друг к дружке, они со страхом и интересом глядели на рыжеусого дяденьку.

— А может, в обед он тоже к соседке в бадейку заглядывал? Ну-ка, ушастенький, скажи. Да ты встань!

— Он не может, Василий Васильевич. Ножки подвернулись, не двигаются.

Дуняша всхлипнула.

— Как его зовут?

— Малышкой.

И вдруг Василий Васильевич засмеялся:

— Ха-ха-ха! Не Малышкой его надо звать, а Притворишкой.

Василий Васильевич неожиданно хлестко шлёпнул телёнка по боку, как раз по белому пятну.

Малышка вздрогнул и тут же вскочил на ноги. Он стоял перед рыжеусым человеком, низко опустив голову.

— Ишь, морду воротит. Знает — напроказничал! Девочку обманул, — сказал Василий Васильевич. — Ты думаешь, он простецкий? Куда там! Он хитрющий зверь, погляди только на него: шерсть-то, шерсть обезьяны, а уши заячьи, а хвост, как у льва, а глаза, как у Лисоньки Патрикеевны. Вот он какой!

Василий Васильевич вытер усы, откашлялся и спокойно сказал:

— А теперь, дочка, достань-ка нам сенца. Будем кормить твоего зверя. Что же его молоком баловать?

Дуняша опять закачала головой:

— Не станет, уж пробовала.

— Это ему, наверное, кислое, осочное сено попало. Вот он и не ест. А ты ему принеси мелкое, люцерновое да из рук дай.

Дуняша достала из кормушки пучок душистого сена.

— Ешь, Малышечка! — попросила она.

Телёнок потянулся к сену, ухватил губами пучок и начал медленно жевать.

Малышке теперь сено казалось особенно вкусным. Тонкие, дрожащие стебельки пахли мёдом.

— Так-то лучше! И для здоровья полезно, — громыхал рядом голос Василия Васильевича.

Но Малышка его уже не боялся. Этот дяденька с соломенными усами начинал ему нравиться.

Василий Васильевич повернулся к Дуняше:

— Видишь, как уплетает за обе щеки! А скоро и травку будет щипать. Весна уж на дворе. Телята тоже весну чувствуют. Хочется им и побегать, и пошалить. Верно, рыженький?

Когда Василий Васильевич ушёл, Дуняша поменяла Малышке подстилку, почистила клетку. Потом подошла к телёнку и принялась гладить его пушистые уши, крутую шею, шелковистую шерсть на морде.

— Ах ты, бессовестный зверь — лев, обезьяна, заяц и Лиса Патрикеевна, — приговаривала Дуняша. — Ишь, что надумал! Обмануть меня захотел? Из-за тебя вот ветеринара Василия Васильевича обеспокоила. Ну, теперь меня не проведёшь. Все твои проделки знаю.

Малышка слушал, виновато склонив голову набок, хитро поглядывал, будто хотел сказать: „Ой, не зарекайся! Всех моих шуток не узнаешь“.

И вдруг лизнул Дуняшину щёку шершавым языком: видно, прощения просил.

Но Дуняша вовсе и не сердилась. Уходя, она оставила в кормушке охапку душистого сена.

Надвинулись предвечерние сумерки. За стеной, в поле, ветер молотил остатки снега. Где-то далеко тарахтел трактор.

На ферме стало тихо-тихо.

Малышка нежился, развалившись на свежей подстилке. На его широких зубах приятно похрустывали ссохшиеся головки люцерны.

„Зачем это приходил дяденька с рыжей соломой над губами? — думал Малышка. — Он всё говорил: „Весна... весна...“ А потом велел дать мне вот это, вкусное, хрустящее. А-а-а! Наверное, это и есть весна“.

Двери фермы были широко открыты. Телята выбежали на волю, бросились врассыпную.

Пастух Матвей Никитич зорко следил за ними. А телята на него и не глядели: шагает себе человек, кому какое дело?

Матвей Никитич был невысокий, невзрачный, в больших сапогах, в телогрейке, туго схваченной широким ремнём. С одного плеча Матвея Никитича свислся длинный кнут, точно хвост тянулся за пастухом.

Но вот взял Матвей Никитич кнут в руки — и тот будто ожил: просвистел над головой, метнулся чёрной змейкой хвостец, и вдруг грохнуло рядом. Вздогнули земля и небо. Шарахнулись телята. Испугались. Вот он, оказывается, какой человек, Матвей Никитич. С ним шутки плохи.

Постепенно телята собрались в стадо, стали двигаться ровнее — впереди Малышка, за ним Зорька, Звёздочка и все остальные.

Рядом с Малышкой шагала Дуняша. Они с мамой помогали пастуху выгонять телят в поле.

— Шевелитесь, ну! Ножками двигайте! — покрикивала сзади тётя Кланы.

И голос её, такой знакомый и понятный, успокаивал телят.

Земля тянула их к себе. Опустив голову, они принюхивались. Множество запахов — острых, сладких, горьких и ласковых — вливалось им в ноздри. Телята фыркали, чихали. Они глядели по сторонам. Незнакомые, непонятные вещи окружали их. Всё вызывало удивление — избы, речка, плотина. Ведь телята первый раз покинули свой дом. И ничего-то они ещё не видели, ничего не знали на этой большой земле.

Дуняша будто догадалась.

— Вон, гляди, — говорила она Малышке, — там колодец. Воду оттуда ведрами берут и вас, теляток, поят. А за колодцем дом под зелёной крышей. Там тётя Фрося живёт. Вы её не знаете. Она работает свинаркой, за поросятами ходит. У неё дома тоже есть поросёнок, Боря. Ох и смешной: когда есть захочет, перевернёт корытце и давай барабанить рыльцем. Такой звон поднимет, точно пожар. За домом тёти Фроси живёт председатель колхоза Пётр Фокич. Он самый главный у нас. Главней его нет. А нашего с мамой дома отсюда не видно. Он на другом конце деревни.

Малышка кивал головой: мол, всё понял.

Обойдя деревню краем, телята вышли на широкую плотину. Кое-где из плотины торчали прутья лозняка. Телята вытягивали шеи и жевали губами: хотели попробовать, какие они на вкус, эти прутья.

— Но! Не балуйте! — прикрикнула Дуняша.

Вдруг откуда-то снизу, с крутого берега, на дорогу выскочил огромный лохматый пёс. Чёрная шерсть у него на загривке стояла дыбом. Он ощерился и залился глухим лаем.

Это был самый злой деревенский пёс Жук, всегдашний заводила свар и драк.

Заслышав Жука, залаяли собаки с ближайших дворов, а там и остальные подхватили. Поднялся невообразимый шум.

„Гав! Гав!“ — неслось с одного конца деревни.

„А-а-ав! А-а-ав!“ — раздавалось с другого.

Жук преградил телятам дорогу, грозно зарычал, готовый пустить в ход свои острые, как у волка, клыки.

Телята сбились в кучу. Задние, напуганные лаем собак, напирали.

Зорька попятилась, стала толкать Звёздочку в воду. Ещё секунда, и Звёздочка упала бы, расшиблась.

Но тут случилось вот что: нагнув голову и топая тонкими ногами, на Жука медленно стал надвигаться Малышка.

Жук заворчал отступая.

Малышка грозно сверкнул глазами, ещё ниже опустил голову, точно там уже выросли большие рога.

Жук отпрыгнул в сторону, готовясь наскочить сбоку.

На помощь другу уже спешила Дуняша. Она махала прутиком, кричала:

— Пошёл отсюда, злющий! Вот я тебя сейчас прутом ожгу!

Жук зарычал напоследок, повернулся и побежал вдоль берега.

Ребята, стоявшие на бугорке, всё это видели. И до девочки до-
несли их слова:

- Это Дуняшкин Малышка.
- Ишь, смелый какой, Жука не испугался.
- Вырос бычок. А был-то махонький.

Дуняша потрепала Малышку по шее. Она очень им гордилась. Ей
хотелось оглянуться на ребят: вот, мол, как мы вместе идём. Но она
не оглянулась и только громко крикнула по-маминому:

- Шевелитесь, ну! Ножками двигайте!

Стадо свернуло с дороги вправо. Среди голубых озёрц стаявшего
снега пробивались зелёные побеги молодой травы.

Малышка остановился, потянулся к свежим, зелёным стебелькам.

— Ешь, Малышечка, не бойся! — говорила Дуняша. — Ах ты смеш-
ной! Попробуй, это же вкусно.

Телёнок упрямо мотнул головой и, высоко подбросив задние ноги, точно козлик, пустился вскачь.

Как хорошо прыгать и бегать на этой большой, большой земле!

— Стой, куда же ты? — закричала Дуняша и замахала прутиком.

Вдруг Малышка замер. Прямо под его ногами в неглубоком бочажке ярко горело солнце, а по голубой воде плыли пушистые белые облака. Что такое?

Малышка понюхал воду и ударил копытцем прямо по солнцу. Тысячи золотистых брызг полетели в разные стороны.

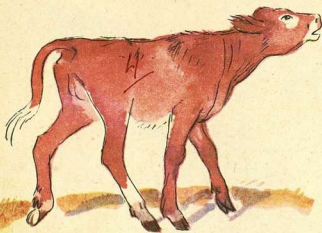
— Не балуй! Не балуй! — крикнула Дуняша.

Малышка поднял голову: увидел солнце на небе. Вон оно где! Высоко, не достанешь.

Поглядел вниз. Что такое? Солнце опять горело на голубой воде, а рядом быстро-быстро бежали облака.

Малышка раздул ноздри, фыркнул: ох, как много всего — земли, воздуха, солища! И, по-бычьи вытянув шею, протяжно и радостно замычал:

„М-у-у-у! Здравствуй, земля! Здравствуй, солнце! Я к вам иду!“

Цена 2 руб.

(С 1/I 1961 г. — 20 коп.).

с 1/I — 61 г. цена 27 к.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Балл Георгий Александрович

МАЛЫШКА

Ответственный редактор К. Д. Арош. Художественный редактор Н. Г. Холодовская.
Технический редактор Р. Г. Грачёва. Корректор Т. П. Лейзерович.
Сдано в набор 3/VI 1960 г. Подписано к печати 14/IX 1960 г. Формат 60 × 92¹/₄ — 4,5 печ. л.
(2,83 уч.-изд. л.). Тираж 350 000 экз.
Детизм. Москва, М. Чернышевский пер., 1.

1-я фабрика офсетной печати УПП Лесоманрозо.
Ленинград, Кронверкская, 9. Зак. 1594.